

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61
УДК 94(571)“1942/1943”

Дата поступления статьи: 17/X/2019
Дата принятия статьи: 25/XI/2019

Г.А. Романова, В.В. Трифонова, Н.Н. Романов

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ

© Романова Галина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, директор представительства Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева в г. Сызрань, 446001, Самарская область, г. Сызрань, ул. Советская, 112.

E-mail: g_romanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9616-1041>

© Трифонова Виктория Валериевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: vitolda08@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7557-2802>

© Романов Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Сызрани, 446007, Самарская область, г. Сызрань-7, ул. Маршала Жукова, 1.

E-mail: nic.nic.rrr@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4539-9310>

АННОТАЦИЯ

В последние годы в исторической науке возрос интерес к антропологическим, социальным, культурологическим аспектам войны вообще и Великой Отечественной войны в частности.

Экзистенциальный опыт человека на войне – тема, позволяющая исследователям взглянуть на историю войны с позиций гуманитарной составляющей. В статье отмечена роль дневников как источников сведений о личных переживаниях, которые после определенного осмысления становятся экзистенциальным опытом. Указано на уникальность дневниковых записей, отличающихся от других источников личного происхождения – воспоминаний и фронтовых писем. Во-первых, они фиксируют сиюминутное восприятие событий, не искаженное временем; во-вторых, они точно передают атмосферу эпохи через описание быта, природы, минут отдыха. Сделан вывод об огромном потенциале фронтовых дневников как источников изучения событий Великой Отечественной войны.

В статье анализируется экзистенциальный опыт младшего лейтенанта З.С. Рудницкого, порожденный экстремальными условиями войны. Источником исследования стал фронтовой дневник З.С. Рудницкого, ранее неизвестный исследователям. Рассматривается влияние пережитых эмоций, обстановки смертельной опасности, ближайшего окружения на становление личности офицера Красной армии и его дальнейшую судьбу.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, источники личного происхождения, фронтовой дневник, человек на войне.

Цитирование. Романова Г.А., Трифонова В.В., Романов Н.Н. Фронтвой дневник: экзистенциальный опыт человека на войне // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 55–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61
UDC 94(571)“1942/1943”

Submitted: 17/X/2019
Accepted: 25/XI/2019

G.A. Romanova, V.V. Trifonova, N.N. Romanov

DIARY OF WAR: EXISTENTIAL HUMAN EXPERIENCE IN THE WAR

© Romanova Galina Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, associate professor, head of the representative office of the Samara National Research University in Syzran, 112, Sovetskaya Street, Syzran, 446001, Russian Federation.

E-mail: g_romanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9616-1041>

© Trifonova Victoria Valerievna – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: vitolda08@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7557-2802>

© Romanov Nikolay Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Branch of the Military Educational and Scientific Center, Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy in Syzran, 1, Marshal Zhukov Street, Syzran-7, 446007, Russian Federation.

E-mail: nic.nic.rrr@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4539-9310>

ANNOTATION

In the recent years, historical science has increased interest in anthropological, social, cultural aspects of the war in general, the Great Patriotic War – in particular.

The existential experience of man in war is a topic that allows researchers to look at the history of war from the standpoint of the humanitarian component. The article notes the role of diaries as sources of information about personal experiences, which after a certain understanding become an existential experience. The uniqueness of diary entries, which differ from other sources of personal origin – memories and front-line letters, is pointed out. First, they capture the momentary perception of events, undistorted by time; secondly, they accurately convey the atmosphere of the era through the description of life, nature, minutes of rest. The conclusion is made about the huge potential of front-line diaries as sources of studying the events of the Great Patriotic War.

The article analyzes the existential experience of Lieutenant Z.S. Rudnitsky, generated by the extreme conditions of the war. The source of the study was the front diary of Z.S. Rudnitsky, previously unknown to researchers. The influence of the emotions experienced, the situation of mortal danger, the immediate environment on the formation of the identity of the officer of the Red Army and his fate is considered.

Key words: existential experience, sources of personal origin, front-line diary, man at war.

Citation. Romanova G.A., Trifonova V.V., Romanov N.N. *Frontovoi dnevnik: ekzistentsial'nyi opyt cheloveka na voine* [Diary of war: existential human experience in the war]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 55–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61> [in Russian].

Введение

Актуальность темы не вызывает сомнения. Во-первых, фронтовые дневники – редкий исторический источник. Во-вторых, история человека на фронте – это мало исследованная тема. В настоящее время исследователи войн – психологи, философы, культурологи и социологи – сходятся во мнении, что воюющий человек – это особое явление. Они считают, что экстремальная ситуация войны выявляет в человеке его истинные качества, часто меняет его мировоззрение, оказывает влияние на дальнейший жизненный путь [Сенявская 1999, с. 34]. Активно обсуждается тема экзистенциального опыта, который связан с формированием целостного видения природы и исторического развития человека в контексте современной культуры. Так, в 2018 году состоялась научная дискуссия на тему «Экзистенциальный опыт: таинство и проблема», материалы которой были опублико-

ваны в «Философском журнале». В центре дискуссии – проблема понимания экзистенциального опыта как сферы переживания, «таинства», открывающего непосредственный контакт человека с миром; как непрерывного и проблемного процесса самопознания экзистирующего субъекта, его конституирования в мире в отношении к культурным смыслам и ценностям; как создание личностью онтологии экзистенции – собственной личной истории, позволяющей интегрировать ее ситуации, события, смыслы и ценности как фрагменты единой судьбы в контексте связи прошлого, настоящего и будущего. [Философский журнал 2018, с. 123].

Следует учесть, что в преддверии 75-летия Великой Победы кое-где в Европе усилилась тенденция ревизии оценок роли Советской Армии во Второй мировой войне, дошло до попыток представить советских солдат и офицеров варварами, готовыми только к одному – убивать. Наших геро-

ев, победителей фашизма пытаются лишить человечности. Им отказывают в нормальных чувствах, эмоциях, способности мыслить вообще. Показательна в этом плане реакция директора музея Второй мировой войны в г. Гданьске на исполнение песни «Темная ночь», которую он назвал «пропагандистской песней». Песня была исполнена Петром Косевским в рамках фестиваля «Ночь в музее» в мае 2019 года. На странице самого музея в социальных сетях позиция по песне и ее содержанию формулируется еще более остро: «Это пример создания легенды о романтическом красноармейце, который воюет за страну Советов и тоскует по дому. Однако хочу спросить: происходит ли эта ностальгия до, после или в перерыве между убийствами, грабежами и изнасилованиями женщин (а часто и детей), массово осуществлявшимися «романтичными» Советами по дороге на Берлин, через земли, населенные поляками» [<https://gia.ru/20190521/1554649016.html>]. На наш взгляд, изучение военных дневников позволяет опровергнуть миф о варварстве советских воинов, раскрыть богатейший внутренний мир бойцов Красной армии – романтический и мужественный.

Целью настоящей статьи является анализ трансформации личности, экзистенциальный опыт молодого человека в условиях фронта, в один из самых драматических этапов Великой Отечественной войны – на рубеже 1942–1943 годов. В основу анализа положен личный дневник (*ранее неизвестный исследователям*) младшего лейтенанта Красной армии З.С. Рудницкого.

Историография вопроса

Дневники, письма, мемуары являются уникальными источниками для исследователя темы экзистенциального опыта. Причем эта тема становится междисциплинарной, в которой тесно взаимодействуют категории философии, истории, социологии и антропологии. М.Ф. Румянцева указывает на направленность источников личного происхождения на установление связей в коэксистенциальном целом, то есть на совокупность взаимосвязанных элементов, которые существуют в действительности на определенном отрезке времени. К ним она относит личную переписку и дневники. [Румянцева 2002, с. 202]

И.А. Люцай полагает, что ценность источников личного происхождения определяется прежде всего особенностями их происхождения, так как они принадлежат конкретному автору и отображают непосредственное восприятие им окружающего мира, исторических событий и явлений. В них заложена своеобразная информация социально-психологического уровня, которую в других источниках найти сложно [Люцай 2017, с. 377].

Историковеды относят дневник наряду с письмами и мемуарами к историческим источникам личного происхождения [Ковальченко 2003, с. 57]. Дневники являются прекрасным дополнением к официальной историографии войны. Личные чув-

ства и переживания, изложенные в военных дневниках, позволяют лучше понять логику поступков людей на войне.

Основная проблема состоит в том, что как источник военные дневники – большая редкость, так как они попросту были запрещены. Формального запрета в виде приказа на ведение записей на войне не было. Однако их ведение совсем не поощрялось. История с дневником майора НКВД Ивана Шабалина, погибшего осенью 1941 года, показывает, что подобного рода меры имели обоснование. Дневник попал в руки немецкого командования. Руководство фашистской Германии полагало, что документ показывает напряжение в советских войсках, поэтому дневник Шабалина был переведен на немецкий язык и использован немецкой пропагандой [Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет 2006].

Лишь несколько военных дневников были опубликованы в последние годы. Так, А.Б. Изюмский анализирует фронтовой дневник младшего сержанта Героя Советского Союза Георгия Славгородского. Автор публикации уверен, что дневник как исторический документ заслуживает большего доверия, чем письма бойцов с фронта или воспоминания. Письма, как известно, проходили цензуру, а воспоминания писались не в режиме реального времени [Обстановка на фронте непонятна... 2016].

Темы абсолютных ценностей в военном дневнике

В данной статье тема экзистенциального опыта человека на войне раскрывается через анализ записей в военном дневнике Зангвильда Самуиловича Рудницкого, который был сохранен в семейном архиве. Представляется, что фронтовой дневник Зангвильда Рудницкого выполнял функцию установления межличностной коммуникации, определения самосознания личности, соотнесения важнейших ценностных ориентиров, уже сложившихся в структуре личности молодого офицера с беспощадной реальностью войны. Ведь З. Рудницкий был совсем мальчишкой, когда оказался на фронте. Его взросление, становление как личности, мужчины пришлось на военные годы. Другой важной функцией фронтowego дневника З. Рудницкого была функция эмоциональной разгрузки. Именно дневнику он доверяет самое сокровенное, о чем, возможно, не с кем было поговорить. Здесь и рассуждения о влиянии войны на знакомых девушек, и о товарищах, о тоске по родному дому. Дневнику поверяет автор свои стихи, очень искренние, юношески восторженные.

Временные рамки исследуемых дневниковых записей охватывают период с 18 августа 1942 года по 18 мая 1943 года, то есть они практически совпадают с периодом Сталинградской битвы, двух ее этапов – обороны и контрнаступления. З. Рудницкий перестал вести дневник в силу непреодолимых обстоятельств. За оставление орудия вра-

гу во время выхода из окружения он был отправлен трибуналом в штрафную роту. В новых условиях делать записи стало невозможно. Территориально автор располагался в районе Сталинграда и далее дошел до Ростова-на-Дону. По тематическому охвату дневник является источником сведений о боевых действиях Красной армии глазами младшего лейтенанта-артиллериста, о личных переживаниях молодого 19-летнего бойца, о быте красноармейцев.

Автор дневниковых записей родился в 1923 году в Белоруссии, в г. Речица Гомельской области, в интеллигентной еврейской семье. Его отец работал начальником горфинотдела, мама – домохозяйка. Детей в семье было трое – старший брат Лева, средний – Зангвильд (Золя) и младший Волик. В дневнике Зангвильда чувствуется глубокая привязанность юноши к своим родным. Он часто пишет о плохой работе полевой почты, невыносимой безвестности, о судьбе родных и близких. Иногда совсем по-мальчишески вспоминает мамины вкусности. Позже, когда связь с родным домом наладилась, он обменивается стихами со своим братом – очень патриотичными. Необыкновенно трогательны и письма-открытки его отца, в которых перед нами предстает человек, глубоко любящий, страдающий за своего сына. В этих открытках главный и единственно верный тогда посыл – семья любит и ждет.

Перед самой войной Зангвильд учился на I курсе в Днепропетровске в металлургическом институте. Но война смешала все его планы. Старший брат Лева был призван на фронт, и Золя не захотел отставать от брата, с которым был духовно очень близок. Однако по возрасту ему отказали в призыве на фронт, и он направляется в артиллерийскую школу Ростова-на-Дону, по окончании которой летом 1942 года оказывается в самой гуще военных событий – под Сталинградом. Здесь же он начинает вести свой дневник.

Записи сделаны чернилами или химическим карандашом. На обложке заголовок: З.С. Рудницкий «Дневник войны». Судя по всему, сначала Зангвильд намеревался вести дневник ежедневно, тщательно записывая все увиденное и пережитое. Очевидно его старание писать литературным языком. По мере развития событий записи неоднократно прерываются на несколько дней, иногда даже месяцев. Почерковедом было бы интересно отследить психологическое состояние автора. Если первые записи выполнены аккуратным убогим почерком, то ближе к концу буквы увеличиваются в размере, строчки идут неровно, фразы сложены отрывисто, кратко, в телеграфном стиле.

В начале дневника идет перечень населенных пунктов, которые З. Рудницкому пришлось проехать. От Днепропетровска через Ростов-на-Дону, Краснодар, Сталинград до Москвы. В общей сложности перед глазами молодого бойца Красной армии предстало 17 городов страны, находящейся в состоянии войны. Завершает список населенных

пунктов почти театральная фраза: «Жизнь полна моя скитаний, переездов и переживаний!» (Дневник Рудницкого, с. 12) Заметим, что Зангвильд еще не был на фронте, на его переднем крае, за его спиной пока только учеба в артиллерийском училище.

По мере того как росло напряжение на фронте, когда наш герой побывал на жуткой переправе под Сталинградом, где потерял много своих товарищей, записи в его дневнике становятся все лаконичнее, жестче. Он взрослеет, научился не обращать внимания на болезни, которые причиняли ему физические страдания. «30.10.42 г. У меня все в порядке. Вот только проклятый живот, да и пиодермия не дают покоя. Неужели они меня так крепко любят, что целый год не слезают с моего тела. Погода стоит холодная, не пригодная для жизни на поверхности земли. Необходимо зарываться в землю, да и печечку притапливать все-таки. Но все это ерунда. Живой человек не пропадает, везде устроится, как только можно. Но теперь пришлось раз время, нужно все выжимать из себя и людей для общего дела – разгрома врага» (Дневник Рудницкого, с. 17).

Удивительно одно его замечание от 9 января 1943 года, свидетельствующее о том, что юноша духовно вырос: «Да, сейчас истинно роковое время, сейчас время, которое необходимо СУМЕТЬ прожить, ибо умереть здесь проще всего. Будем надеяться. Надежда – все» (Дневник Рудницкого с. 25). А ведь прошло всего 3 месяца его пребывания на войне.

Первое, на что обращаешь внимание при изучении дневника З. Рудницкого, – это его огромная привязанность к семье, родному дому, братьям и сестре. Практически постоянно он пишет о своей тревоге за родителей. Полагаем, что такая сильная духовная связь с родными – следствие хорошего воспитания, крепких традиций семьи. Вечером 9 января 1943 г. он пишет: «Ночь всю не спал. Замерз и шея замучила. Все думал о пролетевших годах, о далеко ушедшем детстве и беззаботной счастливой юности, а теперь не то, не то времечко, думаешь совершенно о другом, как быстро меняется русло человеческой жизни. Это просто удивительно. Думаешь и то по-другому. Недаром говорят: «Жизнь всему научит». И действительно учит и крепко. Здесь конечно о себе не думаешь. Главное, что беспокоит меня это отец и мать. Как дорого для меня их здоровье, особенно это чувствуешь здесь, когда полгода ничего не знаешь ни о ком. Когда же, наконец, наступит та счастливая минута встречи? Неужели никогда? Не хочется этому верить. Да и не бывать такому. Встретиться я должен. Это необходимо» (Дневник Рудницкого, с. 8).

Воспоминания о доме не оставляют Рудницкого ни на день. «8.01.43. Настроение какое-то непонятное. Чего-то хочется невозможного. И никак не могу отогнать от себя различные мысли прошлого. В голову лезут картинки давно прошедшего времени, моего пребывания дома. Ведь фактически 3-й год, а какие это года! Мне кажется, что я

абсолютно отвык от домашнего уюта. Да вот уже 5,5 лет как я не имел счастья быть вместе с дорогими отцом и матерью, а прожито всего 19 лет. И как-то не представляю себе этого. И вот когда здесь один в тиши своей землянки я произношу имена родных, они как-то странно звучат. Это, вероятно, от долгой, тяжелой разлуки. Эх, какими будут счастливыми часы нашей встречи. Если такой придется сбыться» (Дневник Рудницкого, с. 16).

Этот еще очень молодой человек не научился мыслить позитивно, настраивая себя на хорошее всякий раз, когда ему было плохо.

Поэтому вполне понятны его восторг и радость, когда он получает первое письмо от брата с поздравлениями с 19-летием в стихотворной форме.

«Недавно получил 2 письма - одно от Левика, другое от Вильки, адресованные на Кунцево. Левик молодец. Хотя и поздно я получил, и мне уже не 19, а 19 с 3,5 месяца лет, но все же оно и раньше соответствовало действительности, стихотворение:

Юбилейное Золе!

В жизни было много перемен:

Счастье неудачами сменялось

И когда мы чувствовали крен,

Унывали мало – выпрямлялись.

Грусть ютилась только не у нас,

Прогонять умели ее ловко.

Тяжело бывало много раз,

И сносили тяжести с сноровкой.

Помнишь, Золя, детские дела,

Раменские летние охоты?

Помнишь, как фортуна нас вела

На Днепре на «легкие работы»?

И в годину тяжкую войны

От друзей своих мы не отстали.

Собрали котомочки свои

И за честь своих с винтовкой встали.

Девятнадцать лет тебе сейчас,

Измучило прозрачное время.

Слезы пусть не омывают глаз, стойкости показывай пример.

Зорким будь у вверенных орудий

И в Победу, Золя, крепко верь.

Верь, не подкачают наши люди

Солнце нам свой излучает свет,

Ветер нам поет о жизни,

Шлю тебе свой боевой привет,

Пламя нашей дружбы, крепче брызги!

Молодец, Левик! Большое спасибо, что напомнил о былом забытом сейчас, детстве, настоящем положении. Нужно отдохнуть. Кончаю» (Дневник Рудницкого, с. 23).

Часто в дневнике встречаются отрывки, в которых Зангвильд ведет внутренний диалог с самим собой, стараясь не раскисать от трудностей. «26.10.1942. Сейчас подполковник Базырь уехал получать боевую задачу к генерал-майору в штаб фронта. Куда отсюда поедет, не знаю, но, вероятно, в район Сталинграда. Наперед гадать и лезть

не следует. Всему свое время. Пора себя приучить. Ясно или нет? Ясно!» (Дневник Рудницкого, с. 19). Запись от 1.11.1942: «Вот что одно меня интересует. Изменится ли наш адрес? Хоть успеть получить на него пару писем, и хотелось бы маленькую посылочку с мамкиными изделиями, и теплые перчатки, и носки, и часы. Но не хочется тревожить родных. Можно прожить без этого? Конечно! Ну и весь разговор окончен. Наша жизнь – война. Так, нужно воевать» (Дневник Рудницкого, с. 22). «27.09.1942. Сегодня уже 27 число, то есть уже 20 дней со дня вступления в действующую армию. Как быстро идут дни, но удивительно медленно ползут минуты и часы. Чем это объяснить? Вообще здесь как-то не так, хотя это вполне естественно. Война есть, была и будет войной. Пора это осознать» (Дневник Рудницкого, с. 7). Как видим, наш герой постоянно убеждает себя, что жить надо уметь в любых условиях. Представляется, что этот своеобразный психотренинг был нужен Рудницкому. Человек в первые дни нахождения на фронте испытывает страх, настоящую ломку созданных им стереотипов, постепенно превращаясь, по выражению Е. Синявской, в «человека воюющего». На этом этапе «врастания» в армейскую фронтную действительность Рудницкий ищет опору в собственных резервах – семье, воспитании, характере.

Вот почему фронтальной дневник был так важен для Рудницкого. В отличие от Г.В. Славгородского, человека много старше, имеющего опыт гражданской войны, для которого его записи были способом передачи информации будущим поколениям (он понимал значение своих записей для истории) [5, с. 75], Рудницкий рассматривал свой дневник как друга, которому можно поверить сокровенное: «Сейчас думаю написать родным письмецо. Сегодняшний день, 14 сентября, послужит началом связи между мною и моими родными. А боевые друзья! Как вы дороги, и каждый раз при воспоминании о вас ставится и приятно и тяжело, что вы сейчас где-то вдалеке. Сейчас нужно трогаться, а то бы еще писал, так как писать в этот боевой дневник сродни горячей дружеской беседе (самочувствие хорошее)» (Дневник Рудницкого, с. 14).

Как любой молодой человек на фронте, Золя Рудницкий ценил редкие моменты общения с девушками, женщинами. Вот как он пишет 24 октября 1942 года о случайной встрече со знакомыми девушками из Днепропетровска, которые до войны учились в медицинском институте: «Откровенно скажу, что разговор с некоторыми доставил мне удовольствие и после счастливые минуты воспоминаний. Они говорят, что я здорово изменился, по сравнению с Днепропетровском. По их словам, я стал старше, пропала улыбка веселости, обычно сияющая на моем лице. Это, вероятно, из-за фронтного костюма и усов, т. к. все-таки военная форма, пистолет автомат, снаряжение и усы делают старее, серьезнее. Ну и, конечно, обстановка, здесь я забыл даже о том, что думал раньше... Я огрубел

за время войны, стал курить, многому себя подчинил, многое делал, что требовалось, а не то, что хотелось, т. е. врезал себе шел. В общем, ломал. Коверкал себя, когда от меня этого требовалось. И результаты всего этого мне передали эти девушки. Но я все же мужчина. А вот они – девушки 1922, даже есть 1923 г.р., и все курят. Говорят - война. Если бы на них взглянули ихние родные. Конечно, они молодцы. Честь и хвала им за ихние заботы и первую мед. помощь, за то, что пожертвовали собой, но все же... После коротеньких разговоров с этими девушками всю ночь не спал, все думал о доме и вообще о всем прошлом и сравнил с настоящей обстановкой» (Дневник Рудницкого, с. 11).

В приведенном отрывке перед нами предстает не просто молодой человек, взволнованный встречей с мирным прошлым, с девушками, что абсолютно естественно. В этих записях – рефлексирующая личность, которая в экстремальных условиях войны все чувствует обостренно и очень верно. Поражает зрелость мышления 19-летнего человека, для которого война стала экзистенциальным кризисом. Этот кризис был вызван многими факторами – напряженной боевой обстановкой, потерей боевых товарищей, возросшей ответственностью за людей, разлукой с близкими. В результате осмысления новых вызовов жизни происходит взросление личности З. Рудницкого. Он приходит к собственному Я гораздо быстрее, чем его сверстники в тылу.

Особого внимания заслуживают записки Рудницкого, связанные с бытом бойцов Красной армии. Он избегает оценочных суждений, но из простого фиксирования фактов складывается не слишком благополучная ситуация первых лет войны в плане обеспечения войск. «1.11.1942. мы переехали на новое место. Находимся около Дона. За это время побывал во многих местах, многое увидел. Сейчас случилась маленькая неприятность. Хоз. часть где-то в песках застряла или черт ее знает что, а мы вторые сутки без пищи. Но это ерунда, было еще хуже. Ведь мы привыкли ко многому» (Дневник Рудницкого, с. 16). «2.11.1942. Сегодня уже сразу поправились. Привезли хлеба, масло, комбижира, мяса, гречки, печенья, консервы, табак, спички, картошки и т. д. Теперь опять можно жить. Правда, я уже привык, так что если приходится по 2–3-е суток не спавши и без пищи, легко переносишь, ибо знаешь, что находишься не дома, а на фронте, где всяк бывает» (Дневник Рудницкого, с. 21). «3.02.43. Уже февраль. На мою долю досталось с 13.01. сидеть в х. Еланский в то время, как наши за 100 км в Мешкове стоят на охране штаба фронта. Мне приходится сидеть и ждать. Но ведь с 7 января продуктов почти не получали. Даже хлеб и тот уже более полу-месяца не получаем. Где достану для всех – хорошо, нет – тоже хорошо. Вот же как плохо без машины» (Дневник Рудницкого, с. 11).

После войны наш герой восстанавливается в металлургическом институте Днепропетровска и заканчивает его с отличием за 3,5 года. Он очень торопился встать на ноги, быть самостоятельным. Его дипломная работа восхитила аттестационную комиссию, ему предложили развить ее в кандидатскую диссертацию. Он получает предложение ехать в Барнаул в профильный НИИ. Но З. Рудницкий отказывается от всех заманчивых предложений. Опыт войны убедил его, что нет большей ценности, чем семья, родители и братья. Он возвращается в город Сызрань, и очень скоро его знания и квалификация оказываются востребованными. Он становится главным инженером крупнейшего в Европе химического предприятия страны – завода «Пластик». Его авторитет на заводе и в Министерстве промышленности был непререкаем.

Выводы

Экзистенциальный опыт войны, безусловно, оказал влияние на юного офицера З. Рудницкого. Война сделала его старше, мудрее. Не случайно время службы на фронте засчитывается военнослужащему как 1 день за три дня, а в штрафбате и того больше: день за шесть. Человек, которому посчастливилось выжить в условиях риска для жизни, анализирует полученный опыт. В результате этой когнитивной и регулятивной рефлексии с ним очень часто происходят качественные изменения, обнаруживается тяготение к новым знаниям, происходит переоценка ценностей. Для Рудницкого война стала своеобразным моментом истины, когда он сумел возвыситься над переживаниями, чтобы занять осмысленную позицию по отношению к происходящему и вынести тяготы существования.

Источники фактического материала

Дневник Рудницкого – *Дневник Рудницкого З.С.* Рукопись из домашнего архива Рудницких.

Библиографический список

Ковальченко 2003 – *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 277 с. URL: <http://www.pseudology.org/History/KovalchenkoMetodyIstorIssledovaniya2.pdf>.

Люцай 2017 – *Люцай И.А.* Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6. С. 375–378. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28395572>.

Музей в Гданьске... – *Музей в Гданьске объяснил запрет на исполнение песни «Темная ночь»* // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190521/1554649016.html>.

Нам запретили белый свет... 2006 – *Нам запретили белый свет...*: Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 416 с. (Серия: Человек на обочине войны).

Обстановка на фронте непонятна... 2016 – *Обстановка на фронте непонятна: или мы окружены, или немцы* // Из дневника сержанта Красной армии Г.В. Славгородского. 5–31 августа 1941 г. Отечественные архивы. 2016. №3. 321 с. URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/1858/obstanovka-na-fronte-neponyatna-ili-my-okruzheny-ili-nemcy-iz-dnevnika-serzhanta-krasnoy-armii-slavgorodskogo-1941>.

Румянцева 2002 – *Румянцева М.Ф.* Теория истории: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с. URL: https://www.studmed.ru/rumyantseva-mf-teoriya-istorii_05549b48fc2.html.

Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России и материалы круглого стола. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с. URL: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1019663/Senyavskaya_-_Psikhologiya_voyny_v_XX_veke._Istoricheskiy_opyt_Rossii.html.

Знаков, Касавина, Синеокая 2018 – *Знаков В.В., Касавина Н.А., Синеокая О.В.* Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137.

References

Kovalchenko 2003 – *Kovalchenko I.D.* *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. М.: Nauka, 2003, 277 p. Available at: <http://www.pseudology.org/History/KovalchenkoMetodyIstorIssledovaniya2.pdf> [in Russian].

Lutsay 2017 – *Lutsay I.A.* *Istoricheskie istochniki lichnogo proiskhozhdeniya i ikh informatsionnaya tsennost'* [Historical sources of personal origin and their informational value]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 6, pp. 375–378. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28395572> [in Russian].

Muzei v Gdan'ske – *Muzei v Gdan'ske ob "yasnil zapret na ispolnenie pesni «Temnaya noch»* [Museum in Gdansk explained the ban on the performance of the song «Dark

Is the Night»]. *RIA «Novovosti»*. Available at: <https://ria.ru/20190521/1554649016.html> [in Russian].

Nam zapretili belyi svet...2006 – *Nam zapretili belyi svet...: Al'manakh dnevnikov i vospominanii voennykh i poslevoennykh let. Sost. P. Polyana, N. Pobol'* [We were forbidden white light ...: Almanac of diaries and memoirs of the war and post-war years. Compilers P. Polyana, N. Pobol']. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006, 416 p. (Series: A Man on the Roadside of the War) [in Russian].

Obstanovka na fronte neponyatna... 2016 – *Obstanovka na fronte neponyatna: ili my okruzheny, ili nemtsy. Iz dnevnika serzhanta Krasnoi armii G.V. Slavgorodskogo. 5–31 avgusta 1941 g.* [The situation at the front is not clear: either we are surrounded, or the Germans. From the diary of a sergeant of the Red Army G.V. Slavgorodsky. August 5–31, 1941]. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 2016, no. 3, 321 p. Available at: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/1858/obstanovka-na-fronte-neponyatna-ili-my-okruzheny-ili-nemcy-iz-dnevnika-serzhanta-krasnoy-armii-slavgorodskogo-1941> [in Russian].

Rumyantseva 2002 – *Rumyantseva M.F.* *Teoriya istorii: uchebnoe posobie* [Theory of history: textbook]. М.: Aspect Press, 2002, 319 p. Available at: https://www.studmed.ru/rumyantseva-mf-teoriya-istorii_05549b48fc2.html [in Russian].

Senyavskaya 1999 – *Senyavskaya E.S.* *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: historical experience of Russia]. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999, 383 p. Available at: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1019663/Senyavskaya_-_Psikhologiya_voyny_v_XX_veke._Istoricheskiy_opyt_Rossii.html [in Russian].

Znakov, Kasavina, Sineokaya 2018 – *Znakov V.V., Kasavina N.A., Sineokaya O.V.* *Ekzistentsial'nyi opyt: tainstvo i problema: materialy kruglogo stola* [Existential experience: a mystery and a problem]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 2018, Vol. 11, no. 2, pp. 123–137. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137 [in Russian].